

РЕЛИГИОЗНЫЕ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИЙ О ПРОБЛЕМАХ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ю. Д. ДАНИЛОВ

Брестский государственный технический университет, Брест, Беларусь

Аннотация. В статье анализируются некоторые подходы к трактовке понятий «религиозный фундаментализм» и «религиозный фундаментализм». Автор полагает, что широкое понимание религиозного фундаментализма является итогом неправомерной политизации данной категории, что приводит к смешению и некорректному употреблению как в науке, так и в публицистике, целого ряда терминов: фундаментализм, традиционализм, ортодоксия, консерватизм, экстремизм и т. п. Вместе с тем, между ними существуют существенные смысловые (заложенные в различном отношении к собственному социально-богословскому наследию) и поведенческие различия. Фундаментализм может существовать вне пропаганды насилия и мирно сосуществовать с иными общественными убеждениями, в то время как экстремизм ориентирован на насилие и создание угроз общественной безопасности.

Ключевые слова: религиозный фундаментализм, религиозный традиционализм, религиозный модернизм, религиозный экстремизм, ортодоксия, консерватизм, православие, конфликты, безопасность

Annotation. The article analyzes some approaches to the interpretation of the concepts of “religious fundamentalism” and “religious fundamentalism”. The author believes that a broad understanding of religious fundamentalism is the result of the unlawful politicization of this category and leads to confusion and incorrect use, both in science and in journalism, of a number of terms: fundamentalism, traditionalism, orthodoxy, conservatism, extremism. At the same time, there are significant ideological (embedded in different attitudes to their own socio-theological heritage) and behavioral differences between them. Fundamentalism can exist outside of the propaganda of violence and coexist peacefully with other social beliefs, while extremism involves violence and the creation of threats to public safety.

Key words: religious fundamentalism, religious traditionalism, religious modernism, religious extremism, orthodoxy, conservatism, Orthodoxy, conflicts, security.

Оценка влияния религиозного фундаментализма на безопасность является сложной и многогранной проблемой. В основе данного явления лежат стремление к буквальному толкованию священных текстов и желание вернуть общество к первоначальным религиозным принципам, которые преподносятся как единственно правильные и неизменные. В некоторых случаях такая идеология приводит к радикализации и экстремизму, когда ее сторонники пытаются насильственно навязать свои убеждения, тем самым вызывая напряженность в обществе, социальные конфликты, политическую нестабильность и даже угрозу терроризма. Подобные действия не только угрожают внутренней безопасности государств, но и имеют крайне негативные последствия для всего современного миропорядка.

Словосочетание «религиозный фундаментализм» уже достаточно прочно прижилось в лексиконе деятелей науки, в журналистике и блогосфере. Практически ежедневно его можно услышать в новостных выпусках, встретить в аналитических публикациях, комментариях политиков, экспертов, пользователей социальных сетей. Примечательно, что во всех этих случаях содержание понятия интерпретируется по-разному, встраивается в самые разные контексты, и, соответственно, дезориентирует общество. В одних трактовках религиозный фундаментализм связывают с проблемами нарушения прав человека, в других – с попытками насильственного ограничения повседневной жизни людей «одним измерением», в третьих – ассоциируют с проблемами манипуляции сознанием, толерантности и т. д. Нередко процессы, описываемые этим термином, ставятся в один ряд с глобальными угрозами, такими как наркотрафик, терроризм, неконтролируемая трансграничная преступность, распространение оружия массового поражения и прочими.

Наиболее кратко религиозный фундаментализм определяется как «радикализм, крайний догматизм религиозного характера, фанатизм, экстремизм» [1, с. 598]. В некоторых источниках толкование явления сводится исключительно к «религиозной ортодоксии», без описания иных, в частности, радикальных, его форм [2, с. 731]. Сегодня наиболее распространено понимание религиозного фундаментализма как некоего обобщенного определения целой совокупности наиболее консервативных философских, социальных, морально-этических учений, являющихся ответной реакцией на рост популярности атеизма или доминирование иной идеологии. Кроме того, на данный момент реалии таковы, что любая полемика по проблемам религиозного фундаментализма в силу определенных, и не всегда убедительных оснований, ассоциируется только с его экстремистскими проявлениями и преимущественно в исламе.

Представляется, что такая весьма общая трактовка данного понятия непродуктивна, т. к. совершенно необоснованно сводит практически весь спектр религиозных, культурных и идеологических феноменов исключительно к деструктивному поведению, преступной деятельности, терроризму и пр. Еще более это недопустимо тогда, когда данный термин манипулятивно используется в политическом дискурсе.

Появление понятия «религиозный фундаментализм» относится к рубежу XIX–XX столетий, когда происходили важнейшие изменения в различных сферах жизни общества, в том числе и общественном сознании. Кардинальной трансформации подверглась и духовная жизнь, ее главным проявлением стало распространение идей «религиозного модернизма», предполагающего критику как догматической и литургической составляющих церковной жизни, так и социальной. Представители данной концепции сводили Веру только к внутреннему имманентному опыту человека. В качестве примера реализации такой мировоззренческой парадигмы можно привести факт принятия в 1905 году во Франции «Закона о разделении церкви и государства», который Папа Пий X резко осудил и назвал «синтезом ереси» [3]. Вслед за начавшимися гонениями на религиозных модернистов наиболее консервативные круги протестантов США выступили в защиту главных принципов и норм христианства, учредив Всемирную христианскую фундаменталистскую ассоциацию и издав двенадцатитомник «The Fundamentals» с изложением «основополагающих начал» христианской веры

(от его названия, собственно, и сформировалось понятие «религиозный фундаментализм»). Таким образом, изначально эта концепция просто отражала стремление определенной части верующих христиан *неконфликтно* реализовать свои права в соответствии с собственными идейными и социокультурными представлениями о традиционной религии. По сути, она стала естественной реакцией на религиозную девиацию их современников-модернистов.

К настоящему времени сформировалось несколько разновидностей религиозного фундаментализма, среди которых наибольшую известность приобрели католический, православный и исламский. Несмотря на существенные внутренние отличия между собой, христианские фундаменталистские доктрины не содержат в себе каких-либо враждебных догматов, призывов к жестокости по отношению к сторонникам иных вероучений или проявлений унижения их человеческого достоинства. Например, представители одного из объединений православного фундаментализма – общественного движения «Народный Собор» провозглашают своей главной целью сохранение и развитие традиционных духовно-нравственных ценностей «русской цивилизации», среди которых называются духовность, соборность, справедливость, патриотизм [4].

В Западной Европе и США к 70-м гг. XX в. сформировался целый набор пестрых по содержанию учений, которые противопоставлялись модернизации и либерализации христианского вероучения в целом. Так, евангелисты отстаивали необходимость предельно четкого, буквального толкования Библии. Наиболее известным актом фундаментализации стало принятие небезызвестного Акта Батлера, запретившего преподавание в школах Соединенных Штатов любых небиблейских концепций происхождения человека. Теория эволюции также запрещалась к изучению и в ряде европейских и латиноамериканских государств.

Отдельного рассмотрения заслуживает исламский фундаментализм, который наиболее громко заявил о себе в конце XX века. Сегодня о нем много рассуждают, пишут, спорят, но что интересно – по отношению к данной идеологии и социальной практике, ни в современной науке, ни в какой-либо иной сфере общественной жизни, так и не выработано единого отношения. Не существует и более-менее однозначной оценки данного феномена. Чаще всего, особенно в средствах массовой информации, исламский фундаментализм практически отождествляется с «исламизмом» или «панисламизмом», деятельностью радикальных экстремистских боевых группировок, сопровождающейся насилием и агрессией. Однако данный подход не только неверен в корне, но и крайне опасен, т. к. очень часто становится идейной основой для еще большего раскручивания спирали насилия, основанного на межрелигиозной вражде. С чисто научной точки зрения фундаментализм отражает стремление к сохранению (или возвращению) к традиционной культуре и ценностям, желание выставить заслон на пути распространения чуждых, антигуманистических, а иногда и откровенно противоестественных образцов социального поведения и мышления.

Рост популярности фундаменталистских течений в исламе относится к концу 70-х годов XX века, особенно в период после революции в Иране – сильном государстве, которое являлось одним из геополитических лидеров региона. На сегодняшний день наиболее распространенной идеологической платформой большей части самых разнообразных исламистских течений является салафизм

(от арабского ас-саляф – предки), который решительно отвергает любые разногласия внутри исламской общины и выступает за возвращение к «истокам» – Корану. Политическая составляющая этого учения предполагает построение теократического панисламского государства, призванного объединить исламские культурно-религиозные анклавы, существующие в разных странах мира, в единую мусульманскую общину – умму.

В современном исламском фундаментализме наиболее радикальные позиции занимает ваххабизм, отличающийся экстремистской направленностью и высокой степенью агрессии. Он формировался как идеология очищения ислама от любых нововведений и нетерпимости к представителям других течений. Единственной допустимой формой власти ваххабиты считают власть, основанную на шариате, агрессивной ригористической риторике и нетерпимости. Такие крайние проявления исламского фундаментализма являются серьезной проблемой для современных государств, т. к. по сути, паразитируют на таких острых и общепризнанных проблемах глобализованного общества, как бедность, социальное неравенство, коррупция, беззаконие и т. п. Вместо их решения на основе ускорения экономического развития и с учетом стремительных изменений в мире, ваххабиты призывают к возвращению к средневековой системе общественных отношений. Наиболее радикальные исламистские группировки довольно часто приобретают разрушительную, антигосударственную направленность, переходят к открытой вооруженной борьбе с носителями ценностей, противоречащих нормам шариата. Всю ответственность за различные экономические, социальные и политические проблемы в мире они возлагают на абстрактный «Запад», используя в своей борьбе с ним любые средства, вплоть до террористических атак с многочисленными жертвами среди мирного населения, тем самым еще больше усугубляя кризис. В таких проявлениях фундаментализм превращается, по сути, в самовоспроизводящуюся активно-агрессивную систему.

Важно учитывать и особенности внутренней природы стран, в которых фундаменталистские идеи приняты в качестве концептуальных в государственном строительстве. К таким, прежде всего, относятся страны с ярко выраженной нефтяной экспортоориентированной экономикой. В т. н. «нефтяных монархиях» очень высока эффективность исламских религиозно-правовых систем, особенно в вопросах «справедливого» перераспределения социально-материальных благ, т. к. эти «блага» практически в готовом виде бьют прямо из-под земли и не требуют значительных технологических усилий для производства. Роль государства в обеспечении стабильности в обществе сводится главным образом только к перераспределению доходов от добычи полезных ископаемых и иных ресурсов, что, следует признать, достаточно неплохо решалось с помощью принципов исламского фундаментализма. Однако с начала XXI века элиты ряда таких государств начинают понимать тупиковость такого вектора развития и предпринимают активные попытки переориентировать свои экономические системы на создание других отраслей. Вместе с тем, откровенно ущербные ригористические установки на исключительность и особое место в мировом сообществе, присутствующие в массовом сознании коренного населения, являются мощным препятствием для его включения в процесс реформирования национальных

экономик. Именно поэтому экономическое процветание государств-танкеров продолжает оставаться очень зависимым от интеллектуальной составляющей в лице привлекаемых высокооплачиваемых специалистов из высокоразвитых стран.

Кроме того, так как фундаментализм главным образом апеллирует к таким явлениям, как социальная несправедливость, беззаконие, коррупция, которые он считает неизбежным порождением глобализации, то эта идеология еще становится и своеобразным выражением социального протеста, одним из проявлений антиглобализма. При этом, будучи несводимой к экстремизму как таковому, она довольно органично встраивается в исламское религиозное сознание в целом. Примером этому служит неприятие исламом любых нововведений, что свойственно сознанию современного мусульманина, независимо от исповедуемого им направления (мазхаба). Поэтому, при оценке того или иного проявления исламского фундаментализма необходимы тщательная взвешенность, умение разглядеть и отделить умеренные течения от экстремистских, понимание того, насколько фундаменталистские положения совместимы с общечеловеческими ценностями.

Современные концепции религиозного фундаментализма теснейшим образом связаны с социально-психологическими предпосылками своего возникновения, путями развития и особенностями проявления на современном этапе. Дело в том, что глобализация делает границы частного пространства людей очень размытыми. С одной стороны, это предоставляет им практически субъективно безграничные возможности, а с другой – лишает защищенности, которую ранее предоставляла идентичность, замкнутая в пространстве определенной религиозной общины. В эпоху динамичных изменений в социальной жизни, многие смыслы и направления деятельности, могут быть не сразу или вообще не поняты людьми. Все это приводит к ломке традиционной аксиологической координатной системы, а затем и к естественному стремлению человека восстановить собственную идентичность как своеобразную «зону комфорта», в которой он ощутит чувство защищенности. Этот процесс чем-то напоминает формирование некой субкультуры, в которой индивид получает возможность реализовать себя посредством служения определенным фундаменталистским ценностям и целям, исключая диалог культур в принципе. При таком подходе к пониманию, религиозный фундаментализм проявляет себя одновременно как контркультура – для унифицированного глобализма, и как культура – стремясь стать локальным, но с претензией на глобальность, мейнстримом. Его социальной базой, как правило, являются группы населения, которые в силу определенных причин оказались на самой низкой ступени того самого «общества потребления», которое и сформировалось благодаря глобализации.

Частые нестыковки в трактовке религиозного фундаментализма проявляются в его полном или частичном отождествлении с религиозным экстремизмом. Чтобы избежать этого следует обратить внимание на этическую сторону и мотивацию действий религиозных организаций. Некоторые из них только прикрываются своей приверженностью к религии, а реально занимаются продвижением своих социально-политических идей, ставя под постоянный контроль личность человека. На государственном уровне это проявляется в том, что многие

вопросы межрелигиозных отношений политизируются, еще более способствуя разжиганию конфликтов, нередко приобретающих масштабы перманентных войн.

Как правило, главной целью религиозных экстремистов является стремление добиться признания своей религии исключительно через подавление других конфессий. Для этого используются уже исключительно политические проекты и инструменты, такие, например, как призывы к созданию государств, в которых светские правовые нормы будут заменяться религиозными. Часто религиозный экстремизм представляет собой мотивированную и религиозно камуфлированную идеологию и деятельность, которые основаны на насилии, крайней жестокости, агрессивности и демагогии. В этом смысле он уже проявляется в качестве оборотной стороны самой религии, влекущей за собой разрушение ее общепризнанных норм, правовых принципов и моральных установок.

В качестве некоторых признаков религиозного экстремизма можно назвать следующие:

- фанатичные жестокость и нетерпимость, заставляющие других действовать таким же образом и слепо следовать внушаемым извне предрассудкам;
- отказ от общепризнанных морально-нравственных норм, ригоризм в требованиях и категоричность в обращении с людьми;
- приверженность к религиозным догматам в их крайне нетерпимой интерпретации;
- отрицание светского права и распространение религиозных запретов на все стороны общественной жизни;
- деятельный характер, который выражается в высокой степени активности религиозных организаций, выступающих под лозунгами фундаментализма.

Идеология религиозного экстремизма основывается на нетерпимости к оппонентам и любому инакомыслию, в ней доминируют исключительно эмоциональные инструменты и способы пропаганды, рассчитанные на формирование харизматического образа самой идеи экстремистского движения. Доведенная до крайности, она создает особый тип своих сторонников, которые отличаются отсутствием контроля над своими действиями, высокой степенью самовозбуждения и готовности к совершению иррациональных насильственных действий. Фанатизм многих из них достигает таких пределов, что они не только не боятся наказаний за свои действия, но и даже не в состоянии объяснить их или раскаяться.

В последние десятилетия экстремизм становится все более организованным и изоциренным, т. к. в деятельности организаций фактически всегда присутствуют два компонента – открытая и закрытая (тайная, глубоко законспирированная) группировки. Это позволяет экстремистам эффективно маскироваться, оперативно маневрировать и менять тактику при смене обстановки.

Вред, наносимый религиозными экстремистскими организациями огромен. Его последствия могут многократно проявляться и даже приумножаться в долгосрочной перспективе в виде разжигания религиозных и межнациональных распрей, дестабилизации социально-экономического развития стран и целых регионов, разрушения культурно-исторических ценностных императивов общества и его общем регрессе.

Современный фундаментализм включает в себе достаточно мощную энергетику социального протеста, направленного на возвращение его сторонникам приемлемых для них границ идентичности, которые будут недостижимы для унифицированной глобальной культуры и формируемой ею системы ценностей. Кроме того, фундаментализм имеет и геополитическую опору в своем стремлении сформировать в нынешней системе международных отношений достойную и равнозначную концептуальную альтернативу однополярному миру. В этом движении он проявляет себя как обратная сторона процесса глобализации или вариант антиглобализма. А так как глобализация предполагает постоянные изменения, то и фундаменталистские течения будут трансформироваться вместе с ней. Соответственно будут изменяться научные представления, обыденные понимания и отношения к фундаментализму. «Поскольку глобализация сегодня так или иначе затрагивает практически каждого, никого, не оставляя равнодушным к данной теме» [5, с. 40], то следует ожидать, что любые исследования религиозного фундаментализма не смогут быть адекватными, если их рассматривать вне глобализационного контекста.

При это важно проводить четкую грань между религиозным фундаментализмом и религиозным экстремизмом. Не все современные фундаменталисты прибегают к экстремистской идеологии, и даже наоборот, выступают за мирное продвижение своих взглядов и убеждений. Проблемы с безопасностью возникают лишь тогда, когда они радикализируются и используют религию как оправдание для насилия и террора. При исследовании границ фундаментализма целесообразно использовать подход М. Марти, состоящий в том, что данный феномен не сводится ни к консерватизму, ни к традиционализму, ни к ортодоксии. На существенные различия между упомянутыми явлениями также обращают внимание Д. А. Головушкин, К. Соколовска, К. М. Товбин [6].

Как социальная практика фундаментализм является реакцией на секуляризацию, ставшую порождением глобализации и протекающую в современном обществе под ее влиянием. Его контекст в этом смысле заключается в борьбе за возвращение религии утраченной роли важнейшего политического и социального института, против размывания и опошления традиционных ценностей, утраты этикой статуса главного фактора в социализации человека. Фундаменталисты всегда выступают за строгое следование прежде всего религиозным нормам и принципам, которые даже могут преследоваться экстремистами. Фундаментализм может существовать вне пропаганды насилия, в тоже время экстремизм предполагает насилие, принуждение и агрессию. Фундаментализм вполне мирно может сосуществовать с иными социальными доктринами и общественными убеждениями, в то время как экстремистская деятельность всегда направлена против стабильности и общественного порядка.

Предотвращение угроз, которые могут исходить от религиозного экстремизма может быть достигнуто за счет комплексного подхода, предполагающего образование, межкультурный и межрелигиозный диалог, включение всего мирового сообщества в активную деятельность против любых его проявлений. Такая методология обусловлена многообразием измерений, в которых проявляется кризис, вызываемый религиозным экстремизмом: психологическим, социальным, политическим, экономическим.

В этой деятельности ни в коем случае нельзя исключать и работу и по иным направлениям, т. к. катализаторами экстремизма всегда выступают шовинизм, ксенофобия, нетерпимость инакомыслия, терроризм. Особая роль в противодействии данному явлению принадлежит образованию, деятельности на интеллектуальном уровне, диалогу с общественностью.

Список использованных источников

1. Комлев, Н. Г. Словарь иностранных слов / Н. Г. Комлев. – М. : Эксмо, 2006. – 672 с.
2. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. 2-е изд., доп./ Л. П. Крысин. – М. : Русский язык, 2000. – 856 с.
3. Ватикан: жизнь и тайны. – URL: https://allvatican.3dn.ru/publ/rimskie_papy/rij_x/svjatoj_rij_x_dzhuzeppe_melkiore_sarto/22-1-0-26 (дата обращения: 22.05.2024).
4. О движении «Народный Собор». – URL: <http://www.narodsobor.ru/about> (дата обращения: 22.05.2024).
5. Чумаков, А. Н. О глобализации с объективной точки зрения / А. Н. Чумаков // Век глобализации. – 2014. – № 2(14). – С. 39–51.
6. Симонов, И. В. Религиозный традиционализм и религиозный фундаментализм / И. В. Симонов // Гуманитарный научный вестник. – 2018. – № 2. – С. 7–11. – URL: <http://naukavestnik.ru/doc/gv1802Simonov.pdf> (дата обращения: 22.05.2024).

УДК 908+94(470)

СУДЬБА КОВЧЕГА ДЛЯ МОЩЕЙ СВЯТОГО АФАНАСИЯ БРЕСТСКОГО В СВЕТЕ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЗВРАТА СВЯТЫНИ

ИНОКИНЯ ЕЛЕНА (ДМИТРУК),

Свято-Рождество-Богородицкий монастырь, Брест, Беларусь

Аннотация. Значимой, но утерянной святыней для г. Бреста является ковчег для мощей святого Афанасия (Филипповича). В период мировых войн город остался без своего духовного покровителя. Сегодня точно известно местонахождение ковчега – это Государственный исторический музей (ГИМ) в Москве, но сотрудники отрицают наличие в нем мощей. В статье на основе архивных документов прослеживается судьба ковчега, его путь от Бреста до Москвы, и рассмотрены перспективы возврата святыни на родину.

Ключевые слова: святой Афанасий (Филиппович), Брест, ковчег для мощей, Государственный исторический музей, Донской монастырь.

Annotation. A significant but lost shrine for the city of Brest is the ark for the relics of St. Athanasius (Filippovich). During the world wars, the city was left without its spiritual patron. Today the exact location of the ark is known – this is the State Historical Museum (GIM) in Moscow, but employees deny the presence of relics in it. The article, based on archival documents, traces the fate of the ark, its path from Brest to Moscow and examines the prospects for returning the shrine to its homeland.

Key words: Saint Athanasius (Filippovich), Brest, reliquary, State Historical Museum, Donskoy Monastery.